

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОПЕРЫ

HISTORY OF RUSSIAN OPERA

Ю. С. Семёнова

Историческое представление Екатерины II «Начальное управление Олега»: российская история и внешняя политика на музыкально-театральной сцене

Аннотация

Статья посвящена уникальному музыкально-театральному проекту Екатерины II — историческому представлению «Начальное управление Олега», в художественной форме отразившему внешнеполитические планы и идеологические установки российской императрицы.

Ключевые слова: Екатерина II, русский музыкальный театр, историческое представление, «Начальное управление Олега», «греческий проект».

Y. S. Semenova

The historical performance by Catherine II *The Early Reign of Oleg*: Russian history and foreign policy on the musical and theatrical scene

Summary

The Early Reign of Oleg is a unique musical and theatrical project of Catherine II. In this work, echoes of the foreign policy intentions of the “Greek project”, popular educational ideas about the exemplary ruler, the declaration of the historical originality of the monarchical system of government, subordinate to the idea of glorifying the power, greatness and prosperity of the Russian power under the scepter of the wise empress were united.

The music of *The Early Reign of Oleg* is the result of professional collaboration of the composer triumvirate. The instrumental part of the performance was entrusted to Carlo Canobbio, the women’s wedding choirs of Act III — to Vasily Pashkevich, and the music of the final V act (choirs and “ancient Greek” melodrama) — to Giuseppe Sarti. This led to a specific “musical diversity” of historical performance.

Keywords: Catherine II, Russian musical theater, historical performance, *The Early Reign of Oleg*, *Greek Project*.

В современном отечественном музыкознании наблюдается заметная активизация исследовательского интереса к русскому музыкальному искусству XVIII века, особенно к последней трети этого столетия, связанной с правлением Екатерины II. В отечественной истории этот период по праву назван «золотым веком», «веком разума и просвещения». В этом определении ключевую роль играла личность императрицы, представившей новый европейский тип российского правителя — просвещенного монарха, заботящегося о процветании своего государства и народа.

Екатерина стремилась вывести Санкт-Петербург на уровень ведущих европейских столиц — законодательниц художественного вкуса. В период ее правления, ознаменованный пиком культуры Просвещения и становлением музыкального классицизма, происходит расцвет придворного театра. Музыкальные спектакли при дворе представляли собой не только одну из форм досуга императрицы и ее вельможного окружения, часто они репрезентировали общественно-политическую и культурную ситуацию своего времени. В таком ключе воспринимала музыкально-театральное искусство и Екатерина, включив его в сферу своей творческой деятельности во второй половине 1780-х — начале 1790-х годов¹.

В 1786 году Екатерина работала над циклом из трех «исторических представлений» — «Из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега» и «Игорь» (осталось незаконченным). К жанру исторической хроники она обратилась с целью укрепления идеологической незыблемости прерогатив собственной монаршей власти. В одном из этих произведений императрица не только утверждала идею исконности самодержавной формы государственного правления на Руси и обосновывала собственную концепцию идеальных отношений между народом и его правителями, но и осуществила художественное воплощение важнейших тен-

денций российской внешней политики конца XVIII века. Им стало «Начальное управление Олега» — уникальный в своем роде образец русской культуры екатерининской эпохи, получивший яркое музыкальное оформление и пышно поставленный на театральной сцене. Премьера его состоялась 22 октября 1790 года в придворном Эрмитажном театре.

В «Олеге» символически отразился знаменитый «греческий проект» Екатерины II — самая масштабная и амбициозная внешнеполитическая идея в русской истории конца XVIII века, заключающаяся в завоевании Константинополя и восстановлении новой Греческой империи на территории древней Византии. Историки усматривают в ней как одну из «потемкинских химер», которыми увлекалась государыня, «дымовую завесу», отвлекающую от конкретных практических намерений, так и продуманную программу действий, проявление традиционного имперского экспансионизма [См.: 17; 5; 3; 4]. Однако помимо традиционных для рассмотрения этой темы аспектов дипломатии и придворной политики в ней вполне определенно прослеживается и некий символический смысл, который не менее важен для оценки исторического значения замысла императрицы.

Документом, представляющим собой развернутое изложение «греческого проекта», считается письмо Екатерины австрийскому императору Иосифу II от 10 (21) сентября 1782 года, в котором она высказывала мысли о ликвидации османского господства в Европе [20. С. 281—291]². Однако начало формирования «греческого проекта» относят уже ко времени окончания первой русско-турецкой войны (1768—1774), когда после заключения Кючук-Кайнарджийского мира³ Г. А. Потёмкин преподнес Екатерине план своей «восточной системы», которая должна была прийти на смену «северной системы» Н. И. Панина в русской политике. По словам А. Г. Брикнера, сделавшись другом и сотрудником Екатерины, он «неоднократно вспоминал о подвигах первых русских госу-

дарей — Олега и Игоря в борьбе с Царьградом» и беседовал с нею «об этих задачах внешней политики России» [1. С. 60].

Развитию масштабных геополитических идей проекта, во многом созвучных идеологии Просвещения, способствовала переписка императрицы с Вольтером. Она свидетельствует о сильном влиянии, испытываемом Екатериной со стороны французского мыслителя в обсуждении этого вопроса. В ходе первой турецкой кампании он постоянно обращается к греческой теме, делая недвусмысленные заявления: «Я бы желал, чтобы Ваше Величество короновалось в Константинополе» [21. С. 130]. Оставаясь верным идеалам просвещенного абсолютизма, Вольтер настойчиво стремился к возрождению традиций античной культуры.

Рост политического могущества и государственного самосознания России, укрепление ее связей с греческим миром делали все более реальной перспективу осуществления этого грандиозного замысла. О движении мыслей Екатерины в этом направлении свидетельствуют факты, сопровождающие важное событие — рождение 27 апреля (8 мая) 1779 года ее второго внука, названного Константином. Его имя, не встречавшееся ранее среди членов российской императорской семьи и вызывающее вполне определенные византийские коннотации, было выбрано для него, конечно же, не случайно. Венценосная бабушка связывала с ним свои главные надежды в греческом предприятии: великий князь Константин должен был занять престол новой Греческой империи. В честь его рождения была выбита специальная медаль с изображением античных фигур с младенцем на руках одной из них, собора св. Софии в Константинополе и Черного моря с сияющей над ним звездой. Кормилицей Константина была гречанка, по желанию Екатерины он воспитывался вместе с греками и изучал греческий язык [14]. В одах на рождение великого князя воспевалась его будущая роль в истории:

...Максентий коим побежден,
Защитник веры, слава Россов,
Гроза и ужас чалмоносцев,

Великий Константин рожден <...>
...град, кой греками утрачен,
От гнуса плена свободить [19. С. 184—185].

При русском дворе установилась мода на все греческое — от предметов одежды и сочинений литераторов греческого происхождения до пышных празднеств в греческом духе и учреждения в Санкт-Петербурге греческого кадетского корпуса. Почти до последних лет царствования Екатерина демонстрировала различные формы гуманитарной ретрансляции своей геополитической идеи. Постановка «Начального управления Олега» в 1790 году в художественной форме наглядно представила ее грандиозные перспективы.

Важнейшим этапом на пути осуществления «греческого проекта» стала аннексия Крыма (древней Тавриды), успешно состоявшаяся в 1783 году. Это событие произвело огромное впечатление на европейский мир и свидетельствовало о возросшей мощи Российской империи. Приобретение Крыма было не только стратегически выгодным завоеванием, но и заключало в себе важный символический смысл: оно знаменовало возврат к истокам российско-греческой преемственности, служившей глубинной мотивацией амбициозных геополитических планов Екатерины. Российское общество осознавало, что это событие являлось составной частью более масштабного замысла⁴.

Как известно, преобразовательной деятельностью в Крыму занимался Г. А. Потёмкин, который не только основывал города, промышленность и торговлю, но и осуществил, по замечанию А. Л. Зорина, «революцию в крымской топонимике» [12. С. 101]⁵. Кульминацией его масштабных градостроительных предприятий на южных территориях стало основание в 1784 году Екатеринослава — будущей новой столицы Российской империи, предназначенной «для возвращения всему свету славы императрицы» [1. С. 73]. По плану Потёмкина там предполагалось строительство великого собора Преображения Господня в античном стиле, «лавки полукружием, наподобие Пропилей или преддверия Афинского с биржею и театром по-

середине», «палаты Государские, где жить и Генерал-Губернатору, во вкусе Греческих и Римских зданий», «университет купно с академиею музыкальною или консерваториею» [8. С. 209].

Приобретение Тавриды и основание Херсона — «возрожденного Таврического Херсона» — подвело «греческий проект» Екатерины к определенному итогу, после чего дальнейшие попытки завоевания Константинополя теряли свой смысл. Мечта Екатерины отчасти сбылась: Россия в некотором смысле «обрела свою Грецию» и «идеальное воплощение Константинополя» [12. С. 120]. Русско-турецкая война, крупные успехи русских полководцев, приближение русского флота к берегам Черного моря — все это создавало такую обстановку, при которой роскошное торжественно-панегирическое театральное представление с музыкой особенно импонировало современникам и возбуждало патриотические чувства.

«Начальное управление Олега» появилось в разгар увлеченности Екатерины идеями «греческого проекта» и реформаторской деятельности Потёмкина в Новороссии. Сюжет его, основанный на истории правления первых древнерусских князей рода Рюриков, вызывал прямые аллюзии с конкретными событиями современности. Князь Олег Урманский, назначенный Рюриком опекуном своего сына Игоря и занявший русский княжеский трон, возвращает свою государственную деятельность, основывает новые города на русской земле и укрепляет ее внешнеполитическое положение, достигая превосходства над Константинополем.

В качестве одного из сюжетных источников Екатерина использовала реальное историческое событие — поход князя Олега в Царьград (907 г.) с многотысячным войском, результатом которого стал мирный договор с Византией, определявший торговые льготы для русских купцов, правовые нормы в отношениях русских с греками и некоторые соглашения в военной сфере. Описывая его в IV действии, императрица маркирует мысль о неоспоримом превосходстве русского войска: посланники

константинопольского императора являются к Олегу с предложением «восстановить мир и дружбу» и просьбой избавить «от дальнего разорения града и невинных людей, страждущих от военного пламени» [9. С. 48]. Подписав выгодный для себя договор с греками, Олег в роли победителя заявляет о намерении «посетить императора Леона в городе» [9. С. 53]. Идея безоговорочного русского могущества достигает наивысшей эмоциональной точки и окончательно утверждается в заключительном «греческом» акте представления. Ее апофеозное звучание обеспечивают различные художественные средства, образующие здесь единый выразительный комплекс: роскошное декорационное оформление, сценография, торжественно-гимническая хоровая музыка, хореография и драматургический прием «театра в театре». Финал спектакля максимально нагружен греческой атрибутикой — действие его происходит в Константинополе, на сцене показаны олимпийские игры и отрывок из древнегреческой трагедии.

Последний заслуживает особого внимания, поскольку символичным здесь явился как сюжетный выбор произведения, так и сам факт обращения Екатерины к Еврипиду. Из «Алкесты» был заимствован эпизод, в котором Геракл приходит в дом фессалийского царя Адмета, готовящегося к похоронам своей жены. Не желая прослыть неприветливым хозяином, Адмет скрывает от гостя свое горе и велит накрыть для него пиршественный стол⁶. Сюжет финального действия исторического представления вызывал с ним прямые аллюзии: греческий император Лев Мудрый, несмотря на свое поражение, с почестями встречает князя Олега и оказывает ему пышный прием⁷.

Интерес к античному театру выглядит неслучайным и на фоне состоявшегося через несколько месяцев после завершения «Начального управления Олега» (конец 1786 г.) путешествия Екатерины в Крым. Движение российской внешней политики в южном направлении вызвало в этот период актуализацию мотивов трагедии Еврипида «Ифигения в

Тавриде»⁸. Сама императрица ассоциировала свою поездку с этим мифом, собираясь обо-зреть край, «в котором жила некогда, говорят, Ифигения» [2. С. 379].

Наконец, в самом отношении Екатерины к театру как средству прокламации государственной идеологии ее современники усматривали преемственность античным традициям. Показательны слова Г. Р. Державина в «Рассуждении о лирической поэзии»: «В Афинах театр был политическое учреждение. Им Греция поддерживала долгое время великодушные чувства своего народа, превосходство его над варварами доказывающие <...> Ничем так не поражается ум народа и не направляется к одной мечте правительства своего, как таковыми приманчивыми зрелищами. Вот тонкость политики ареопага и истинное поприще оперы» [7. С. 602]. Именно этот эффект, по его мнению, был достигнут российской императрицей в «Начальном управлении Олега»: «Мы видели и слышали, какое действие имело героическое музыкальное представление, сочиненное ею в военное время под названием Олег, в котором одна строфа из 16-й оды Ломоносова была воспеваема:

Необходимая судьба
Во все народа положила,
Дабы военная труба
Уньных к бодрости будила.

Один этот стих в таком представлении может произвести следствия, подобные известному слову, сказанному Александром Великим Кассандру» [7. С. 602]. Стилизация древнегреческого спектакля, завершающая «Начальное управление Олега», определила итоговую точку в воплощении ключевой идеи исторического представления: Россия устанавливает безоговорочное господство в Византии и наследует древние традиции античной культуры.

Отзвуки «греческого проекта» и связанной с ним идеи воинствующего расширения империи имели в «Начальном управлении Олега» ярко выраженную просветительскую подоплеку. Имперская политическая стратегия Екатерины соединилась в нем с просветительскими

идеалами государственного устройства и правления. Идеи европейского Просвещения были трансплантированы на русскую почву и получили новую жизнь в условиях русской культурной традиции. Так, европейская концепция монарха как установителя социальной гармонии и блюстителя общественного блага привела в России к сакрализации императора и развитию императорского культа [См.: 11]. Монарх воспринимается как творец нового государства, которое должно преобразить мир. Чтобы наиболее полно раскрыться в роли строителя нового мира, Екатерина была заинтересована в самых радикальных для своего времени идеях. Поэтому французское Просвещение становится «полуофициозной идеологией» екатерининского правления [10. С. 667].

В период работы над текстом «Начального управления Олега» императрица изучала Энциклопедию [18. С. 14]. Фигура князя Олега, центральная в произведении, вызывает неизбежные ассоциации с самой Екатериной. Олег с его глубокомысленными рассуждениями, широтой государственных действий выступает рупором идей российской императрицы. Их стратегические планы во многом идентичны. Герой древнерусской истории наделяется качествами образцового правителя, характеризуясь как в собственных высказываниях, так и в репликах его приближенных: «Олег муж мудрый и воин искусный и храбрый» (Рулав), «он начал опеку свое управление объездом областей русских и во многих местах закладывает города» (Добрынин), «...дело народных правителей, чтоб сносить людское поношение терпеливо» (Олег), «мудрость, искусство и храбрость твоя производят во мне и в народе и в народе доверенность к тебе ту, что идешь к славе» (Игорь) [9. С. 11, 18, 45]. Иносказательный смысл прослеживается в самом противопоставлении мудрости «идеального монарха» Олега (не являющегося законным наследником княжеского престола) незрелости ума молодого князя Игоря, вполне определенно проецирующемся на отношения Екатерины и Павла. С другой стороны, императрица, как известно,

не рассматривала прямого наследника Павла в качестве своего политического преемника, поэтому в отношении Олега и Игоря возникает еще одна аллегорическая параллель: Екатерина — Константин. В спектакль вводится свадебный обряд, символизирующий вступление Игоря в период жизненной зрелости, где он впервые, как Олег, именуется «государь великий князь» и показан достойным продолжателем его государственных деяний. Так же, как Екатерина готовила престол греческой империи для Константина, так и Олег прокладывает Игорю путь в Царьград, укрепляя на ипподроме его щит в знак будущего господства.

Важной с позиций отражения государственной идеологии в «Олеге» выступает тема обусловленного историческими обстоятельствами перенесения столицы государства, также воспринятая Екатериной от французских просветителей. В самом начале представления показан эпизод закладки Москвы — новой столицы, которая должна перенять эту функцию у Киева. Этот ритуал сопровождается различными предзнаменованиями и пророчеством о великом будущем нового города: «По всем приметам, сей град будет некогда обширен и знаменит» [9. С. 12]. Применительно к XVIII веку этот эпизод имел двойной подтекст. С одной стороны, он ассоциировался с петровским перенесением столицы в город на Неве, ознаменовавшим рождение Российской империи и сопровождавшимся сменой политических и культурных ценностей. Символом единства цивилизации, образцом универсальной культуры являлся Рим. Принятие Петром I императорского титула и строительство новой столицы сместило представление о новом Риме с Москвы на Петербург. С другой стороны, переориентация внешнеполитических устремлений Екатерины породила, в свою очередь, мысль о перенесении столицы империи в южном направлении. Ее место должен был занять только что заложенный Екатеринослав.

В завязке сюжета «Олега» прослеживаются отголоски просветительского восприятия государства как органичного единства гео-

графического положения, климата, обычаев и нравов. Посланцы киевлян приходят к Олегу с жалобой на правящего князя Аскольда⁹, нарушившего это государственное единство: «Мы присланы от киевлян тебе, государю, объяснить, что князь Оскольд переменяет у нас во многом древние обычаи без ведома твоего; от того в народе рождается подозрение, что Оскольд во время своего похода на Царьград едва не пристал ли к тамошнему закону и обряду <...> Возвратясь же в Киев, освященных холмов и храмов не посещает, тризны сам не совершает, ко жрецам оказывает презрение, и от кого ожидает противуречия, тех всех от себя и от дел отдаляет» [9. С. 15]. Перемена обычаев и веры воспринимается Олегом как грубое нарушение, он отправляется в Киев и отстраняет Аскольда от власти.

В условиях русского Просвещения «Начальное управление Олега» воспринималось как атрибут имперской мифологии, выстраиваемой Екатериной с помощью литературы и театра. Оно вошло в эту «мифологическую сферу» и выполняло «мифологическую функцию», став частью грандиозного «мифологического действия государственной власти», в котором императрица была центральной фигурой [10. С. 668, 670]. Постановка этого исторического представления явила пример театрализации политических мероприятий, воплощающей идею исторического единства народа.

Сюжетную основу «Начального управления Олега» (как и двух других пьес трилогии) составили «Записки касательно российской истории», написанные Екатериной в начале 1780-х годов¹⁰. Ее царствование стало временем серьезного интереса к отечественной истории: из сферы придворной аристократии выдвигаются первые исследователи прошлого России — В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, Н. И. Новиков, И. Н. Болтин, М. М. Щербатов, А. И. Мусин-Пушкин, издаются их самостоятельные труды, а также многочисленные древнерусские летописи и исторические документы. Этому во многом способствовало покровительство императрицы, ее необыкновенная заинтересован-

ность в изучении истории государства, которым она правила. Большинство исторических материалов издавалось за счет Кабинета Ее Императорского Величества по личным указаниям Екатерины. По словам А. Б. Каменского, совмещая увлечение научными и литературными занятиями с государственной деятельностью, Екатерина преследовала и сугубо политическую цель – «занимаясь русской историей, она стремилась доказать величие России» [13. С. 94].

Изучение древнерусских памятников и занятия историей служили для российской императрицы средством активной пропаганды своих политических идей. Она направляла по продуманному ею руслу историческую мысль XVIII века и давала уроки общественного воспитания на примерах из национального прошлого. Как пишет П. К. Щербальский, «по господствовавшему тогда мнению, от историка требовалось непременно, чтоб он преподавал образцы добродетелей и гражданских доблестей, <...> возвышал нравственное чувство читателя, возбуждал в нем любовь к отечеству и преданность государю» [26. С. 29]. Зарождающаяся историческая наука воспринималась как частная сфера политической публицистики, отражения политических воззрений. Основным положением стало представление о монархии как о наиболее разумной политической системе в России. По мнению Екатерины, географические и климатические условия этой страны таковы, что для нее подходит только одна форма государственного правления — самодержавие: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства. <...> Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно» [22. С. 193]. М. М. Щербатов, также признававший монархию исторически исконной формой правления в России, писал: «Должно заключить, что, хотя славяне и пользовались свободой, но с того времени, как Рурик утеснил вольность Новгорода и как Олег покорил Киев,

введено было самодержавное правление» [цит. по: 16. С. 21]. В русле этой идеи находился и историко-литературный опыт Екатерины II, стремившейся обосновать необходимость самодержавия в России и показать его либеральный характер. Не случайно сюжеты именно этого периода правления Рюрика, Олега и Игоря легли в основу ее исторических представлений, в которых идея необходимости монаршей власти получает панегирическое воплощение.

Идеологическую направленность имела и некоторая переделка летописных известий Екатериной. Она хотела видеть в древнерусских памятниках отражение тех представлений о поведении людей, какие пыталась воспитать у своих подданных. Так, императрица существенно переиначила известный летописный эпизод о коварном убийстве Олегом киевских князей Аскольда и Дира. В ее «Записках» Олег, «слыша от киевлян жалобы на Оскольда и нашед оные знатно основательными и ведав о неудаче его в походе на Царьград и о потере многих людей и кораблей сам, пошел в Киев <...> став под городом в 883 году, велел вызвать Оскольда князя киевского. Оскольд к нему вышел со киевлянами. Тогда Олег взял на руки Игоря, сказал киевлянам: «Сей есть наследник всех княжений русских, а Оскольд не есть самовластный князь, ни рода Рюрика, но подданный Игоря, который его сменяет с княжения и наказует» <...> После того Олег с великим князем Игорем вошел в Киев, определил тут быть столице российской» [25. С. 31 — 32]. Екатерина говорит лишь об Аскольде (и не упоминает Дира), обосновывая причину его «отставки» — неудача похода на Царьград, и поступает гуманно — Олег его «сменяет с княжения», а не убивает, как сообщено во всех древнерусских летописях. В такой трактовке этот эпизод вошел и в историческое представление императрицы, под пером которой русская история становилась средством общественно-идеологического воздействия.

Музыка «Начального управления Олега» — результат профессионального сотрудничества композиторского триумвирата, реализующего

конкретные творческие идеи драматурга-императрицы. Екатерина уже имела значительный опыт предшествующей работы с разными композиторами в постановках своих комических опер и поэтому в «Олеге» обратилась к проверенным авторам, профессиональная компетентность которых не вызывала у нее сомнений. Инструментальные номера спектакля были поручены Карло Каноббио, женские свадебные хоры III действия — Василию Пашкевичу, а музыка финального V действия (хоры и «древнегреческая» мелодрама) — Джузеппе Сартти.

Привлечение коллектива музыкантов произошло осознанно и объяснялось несколькими причинами. Во-первых, оно демонстрировало перспективность российско-европейских музыкальных связей; во-вторых, одному композитору было не под силу на высоком уровне осуществить творческие замыслы императрицы; наконец, этому способствовало отсутствие сквозной музыкальной драматургии в спектакле. В комплексе это привело к специфическому «музыкальному разноязычию», отличающему это уникальное музыкально-театральное творение Екатерины II. Вместе с тем стилистическая микстность «Начального управления Олега» стала следствием его многозначного идеологического подтекста. В этом произведении соединились отзвуки внешнеполитических замыслов «греческого проекта», популярных просветительских представлений об образцовом правителе, декларация исторической исконности монархической системы государственного устройства, подчиненные единой, ключевой в спектакле идее прославления мощи, величия и процветания Российской державы под скипетром мудрой императрицы Екатерины II.

Примечания

- 1 С 1786 по 1791 год императрица написала либретто пяти комических опер: «Февей» (1786, муз. В. Пашкевича), «Новгородский богатырь Боеслаевич» (1786, муз. Е. Фомина), «Храбрый и смелый витязь Ахридеич» (1787, муз. Э. Ванжуры), «Горе-богатырь Косометович» (1789, муз. В. Мартини-и-Солера), «Федул с детьми» (1791, муз. В. Пашкевича и В. Мартини-и-Солера).
- 2 При этом императрица выражала уверенность в содействии Иосифа «для восстановления древней Греческой империи» [Там же. С. 290], которая должна быть совершенно независимой от России. План Екатерины определял территориальные границы будущей империи, необходимые России приращения, а также предполагал создание независимого буферного государства под названием Дакия. За содействие в осуществлении своего проекта императрица предлагала Иосифу лично определить интересующие его приобретения. Этот документ являлся, по сути, дипломатической подготовкой реального претворения отмеченных замыслов.
- 3 По нему Россия получала надежный выход к Черному морю и сильные позиции на Балканах и Ближнем Востоке, что способствовало росту авторитета российского государства и самой императрицы среди греков и других балканских народов.
- 4 Г. Р. Державин в своих «Объяснениях» к оде 1784 года «На приобретение Крыма» к строке «И возрастает Константин» пишет: «Отношение к Константину Палеологу, царю константинопольскому, с которого смертью пало греческое царство, и что на место его возрастает великий князь Константин Павлович, которого государыня желала возвесть на престол, изгнав турков из Европы, и для того обучен был греческому языку» [6. С. 604].
- 5 «Но чтоб более поразить умы блистательностью деяний великия Екатерины, чтоб отрясть и истребить воспоминание о варварах <...> в покоренном полуострове возобновлены древние именованья: Крым наречен Тавридою, близ развалин, где существовал древний Херсонес, <...> возник Севастополь, Ахт Мечет назван

Симферополь, Кафа Феодосией <...> и проч. <...> Словом, новый свет просиял в древнем Понтийском царстве под руководством завоевателя Тавриды» [23. С. 1015].

⁶ Примечательно, что в процессе перевода отрывка из Еврипида с французского первоначальные римские варианты имен героев — Альцеста (Альсеста) и Геркулес были исправлены Екатериной на греческие — Алкеста (у Екатерины — Алкиста) и Геракл (у Екатерины — Ираклий) [24. С. 311].

⁷ Этот эпизод «Начального управления Олега» подробно рассматривается в статье Л. В. Кириллиной [15].

⁸ Интересные замечания по поводу общеевропейской популярности мифа об Ифигении в этот период приводит А. Л. Зорин [12. С. 111—113].

⁹ В различных летописных источниках встречаются оба варианта написания имени этого древнерусского князя — как «Аскольд», так и «Оскольд». Екатерина использовала второй, считавшийся более древним. В литературе же общепринятым стало написание «Аскольд».

¹⁰ В 1783 году они начали по частям выходить в «Собеседнике любителей русского слова». Автор этого труда в журнале не обозначался, но было известно, что «российскими древностями» занимается императрица. В письмах к иностранным корреспондентам она охотно сообщала о своем увлечении. В 1787 году «Записки касательно российской истории» вышли отдельным изданием (в 6 частях), и почти одновременно были написаны драматические сочинения на их основе.

Список литературы

References

1. Брикнер А. Г. Потёмкин. — СПб.: Изд. К. Л. Риккера, 1891. — 85 с. [Brikner A. G. Potemkin. — SPb.: Izd. K. L. Rikкера, 1891. — 85 s.].
2. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Том IV // Сборник Императорского русского исторического общества. — СПб.: Тип. А. Траншеля, 1880. — Т. XXVII. — 666 с. [Bumagi imperatritsy Yekateriny II, khranyashchiyesya v Gosudarstvennom arkhive Ministerstva inostrannykh del. Tom IV // Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. — SPb.: Tip. A. Transhelya, 1880. — T. XXVII. — 666 s.].
3. Век Екатерины II: Дела Балканские. — М.: Наука, 2000. — 294 с. [Vek Yekateriny II: Dela Balkanskiye. — M.: Nauka, 2000. — 294 s.].
4. Век Екатерины II: Россия и Балканы. — М.: Наука, 1998. — 163 с. [Vek Yekateriny II: Rossiya i Balkany. — M.: Nauka, 1998. — 163 s.].
5. Виноградов В. Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. — 2001. — № 4. — С. 124—148 [Vinogradov V. N. Diplomatiya Yekateriny Velikoy // Novaya i noveyshaya istoriya. — 2001. — № 4. — S. 124—148].
6. Державин Г. Р. Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. Грота. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1866. — Т. 3. — 784 с. [Derzhavin G. R. Sochineniya Derzhavina / S ob'yasnitel'nyimi primechaniyami Ya. Grota. — SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1866. — T. 3. — 784 s.].
7. Державин Г. Р. Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. Грота. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. — Т. 7. — 757 с. [Derzhavin G. R. Sochineniya Derzhavina / S ob'yasnitel'nyimi primechaniyami YA. Grota. — SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1872. — T. 7. — 757 s.].
8. Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. 1769—1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин. — М.: Наука, 1997. — 311 с. [Yekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaya perepiska. 1769—1791 / Izd. podgot. V. S. Lopatin. — M.: Nauka, 1997. — 311 s.].

- perepiska. 1769—1791 / Izd. podgot. V. S. Lopatin. — М.: Nauka, 1997. — 311 s.].
9. Екатерина II, императрица. Начальное управление Олега. Подражание Шакспиру без сохранения театральных обыкновенных правил. — СПб.: Тип. Горного училища, 1793. — 38 с. [Yekaterina II, imperatritsa. Nachal'noye upravleniye Olega. Podrazhaniye Shakespepiru bez sokhraneniya teatral'nykh obyknovennykh pravil. — SPb.: Tip. Gornogo uchilishcha, 1793. — 38 с.].
 10. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры: в 5 т. — Т. IV (XVIII — начало XIX века): Сб. — 2-е изд. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 657—683 [Zhivov V. M. Gosudarstvennyu mif v epokhu Prosveshcheniya i yego razrusheniye v Rossii kontsa XVIII veka // Iz istorii russkoy kul'tury: V 5 t. — T. IV (XVIII — nachalo XIX veka): Sb. — 2-ye izd. — M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. — S. 657—683].
 11. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. — М.: Наука, 1987. — С. 47—153 [Zhivov V. M., Uspenskiy B. A. Tsar' i Bog. Semioticheskiye aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii // Yazyki kul'tury i problema perevodimosti. — M.: Nauka, 1987. — S. 47—153].
 12. Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла...»: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 416 с. [Zorin A. L. «Kormya dvuglavogo orla...»: Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney treti XVIII — pervoy treti XIX veka. — M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2001. — 416 s.].
 13. Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. — М.: Знание, 1997. — 288 с. [Kamenskiy A. B. Zhizn' i sud'ba imperatritsy Yekateriny Velikoy. — M.: Znaniye, 1997. — 288 s.].
 14. Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк Е. П. Карновича. — СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1899. — 296 с. [Karnovich Ye. P. Tsesarevich Konstantin Pavlovich. Biograficheskiy ocherk Ye. P. Karnovicha. — SPb.: Izd. A. S. Suvorina, 1899. — 296 s.].
 15. Кириллина Л. В. Сартри, Еврипид и Третий Рим // Научный вестник Московской государственной консерватории. — 2012. — № 1. — С. 12—41 [Kirillina L. V. Sarti, Yevripid i Tretiy Rim // Nauchnyy vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy konservatorii. — 2012. — № 1. — S. 12—41].
 16. Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958—1993). — СПб.: Искусство-СПб, 1997. — 842 с. [Lotman Yu. M. O russkoy literature: Stat'i i issledovaniya (1958—1993). — SPb.: Iskusstvo-SPB, 1997. — 842 s.].
 17. Маркова О. П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. — 1958. — № 4. — С. 52—78 [Markova O. P. O proiskhozhdenii tak nazyvayemogo grecheskogo proyekta (80-ye gody XVIII v.) // Istoriya SSSR. — 1958. — № 4. — S. 52—78].
 18. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй: Репр. воспроизведение изд. — М.: В/О Союзтеатр: Главная редакция театральной литературы, 1990. — 298 с. [Pamyatnyye zapiski A. V. Khrapovitskogo, stats-sekretarya Imperatritsy Yekateriny Vtoroy: Repr. vosproizvedeniye izd. — M.: V/O Soyuzteatr: Glavnaya redaktsiya teatral'noy literatury, 1990. — 298 s.].
 19. Петров В. В. Сочинения В. Петрова. — СПб., 1811. — Ч. 1. — 242 с. [Petrov V. V. Sochineniya V. Petrova. — SPb., 1811. — Ch. 1. — 242 s.].
 20. Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II // Русский архив. — М., 1880. — Кн. 1. — С. 210—355 [Perepiska Yekateriny Velikoy s germanskim imperatorom Iosifom II // Russkiy arkhiv. — M., 1880. — Kn. 1. — S. 210—355].
 21. Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером: в 2 ч. — М.: В Губернской типографии, 1803. — Ч. 1. — 213 с. [Perepiska Yekateriny Velikoy s gospodinom Vol'terom: V 2 ch. — M.: V Gubernskoy tipografii, 1803. — Ch. 1. — 213 s.].
 22. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. — СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. — Т. 18. — 1039 с. [Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii: v 45 tt. — SPb.: Tip. 2-go otd-niya Sobstv. Ye. I. V. kantselyarii, 1830. — T. 18. — 1039 s.].
 23. Самойлов А. Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического // Русский архив. — 1867. — Вып. 7. — Стб. 993—1027 [Samoylov A. N. Zhizn' i deyaniya general-fel'dmarshala knyazyu Grigoriya Aleksandrovicha Potemkina-Grigoriya Aleksandrovicha Potemkina-

- Tavricheskogo // Russkiy arkhiv. — 1867. —
Упр. 7. — Стb. 993—1027].
24. Сочинения императрицы Екатерины II на
основании подлинных рукописей и с объ-
яснительными примечаниями академика
А. Н. Пыпина. — СПб.: Тип. Имп. Акад.
наук, 1901. — Т. 2. — 550 с. [Sochineniya
imperatritsy Yekateriny II na osnovanii
podlinnykh rukopisey i s ob'yasnitel'nymi
primechaniyami akademika A. N. Pypina. —
SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1901. — Т. 2. —
550 s.].
25. Сочинения императрицы Екатерины II на
основании подлинных рукописей и с объ-
яснительными примечаниями академика
А. Н. Пыпина. — СПб.: Тип. Имп. Акад.
наук, 1901. — Т. 8. — 464 с. [Sochineniya
imperatritsy Yekateriny II na osnovanii
podlinnykh rukopisey i s ob'yasnitel'nymi
primechaniyami akademika A. N. Pypina. —
SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1901. — Т. 8. —
464 s.].
26. *Щебальский П. К.* Екатерина II как писа-
тельница // Заря. — 1870. — № 3 [*Shche-
bal'skiy P. K.* Yekaterina II kak pisatel'nitsa //
Zarya. — 1870. — № 3].